

ИДЕЯ «РЕГУЛЯЦИИ ПРИРОДЫ» И «ИММАНЕНТНОГО ВОСКРЕШЕНИЯ» В ФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА

Л. П. Симоненко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

В истории существуют духовные явления, содержание и смысл которых раскрываются не сразу. Пройдя незаметно, или затронув небольшой круг умов и сердец, они с течением времени все возрастают в величии и силе. К такого рода явлениям принадлежит наследие Николая Федорова (1829–1903), поразительно национальное по своим устремлениям и вместе с тем достигающее уровня мировых идей. В блистательном созвездии русских мыслителей конца XIX и начала XX века он самый своеобразный и наиболее оспариваемый из всех. Владимир Соловьев признал его «отцом духовным». Философ и публицист Владимир Ильин назвал Федорова «вторым Сократом». Для Константина Циолковского он был «изумительным философом», а для Владимира Вернадского – «искателем истины». Подобные оценки высказывались многими мыслителями.

Однако были и активные критики «Философии общего дела». Здесь смыкаются некоторые представители христианства и естественнонаучного лагеря. Так, историк богословия Георгий Флоровский отлучил Федорова от христианства, усмотрев в его учении гордыню и вызов Творцу, опасную ересь, «космический большевизм». Некоторые представители естествознания, напротив, обличали религиозно-христианский дух и антинаучность Федоровских проектов. Никто из критиков Федорова не принял попытку мыслителя осуществить (на принципиально новых началах) синтез науки и религии, уважая отдельно и религию, и науку. Философ Сергей Булгаков сетовал, что «никто из великих не сказал Федорову решительного «да», никто не решился сказать и прямого «нет». Он писал: «Остается признать, что не пришло еще время для жизненного осознания этой мысли, – пророку дано упреждать свое время».

Если говорить о нашем времени, то человечество в значительной степени продвинулось на этом пути. Николай Федоров со своими проектами «регуляции природы», «внесения» в нее «воли и разума» был признан родоначальником активно-эволюционной, космической, ноосферной мысли XX века, в ряду которой стоят выдающиеся ученые и мыслители П. Тейяр де Шарден, К. Э. Циолковский, Н. А. Умов, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский. Каждый из них по-своему утверждал и развивал основную мировоззренческую идею «общего дела»: восходящий характер природной эволюции, необходимость нового, сознательно направленного ее этапа, ведущего ко все большему одухотворению природы, человека и мира.

Сейчас мир (и верующие, и неверующие) живет под знаком «последних времен», под знаком «Конца». Философия «общего дела» обращена ко всем; она противостоит всем формам и разновидностям апокалипсического сознания.

Основная идея его философии «открылась» Федорову в двадцатидвухлетнем возрасте: «Мысль, что чрез нас, чрез разумные существа природа достигнет полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и разрушаемое по ее еще слепоте».

Идеи «регуляции природы» и «имманентного воскрешения» находят у Федорова обоснование и религиозное, и естественнонаучное. Уже к середине XIX века на огромном палеонтологическом материале была выявлена особая направленность эволюционного процесса: оказалось, что идет последовательное усложнение и усовершенствование нервной системы, головного мозга. Эта закономерность получила название «цефализация». Тем самым, в эволюции обнаружилась как бы некая «программа», неудержимо влекущая ее к порождению все более высоких форм сознания. Федоров был первым, кто утверждал, что человеческий разум порождается эволюцией как сознательное орудие ее дальнейшего разворачивания. Эволюция не может остановиться на человеке; «он не есть завершение

создания» (В. И. Вернадский); за сознанием и жизнью в нынешней форме должны следовать «сверхсознание» и «сверхжизнь» (Тейяр де Шарден).

Николай Федоров считал, что пока человек смертен, остается глубокий исток зла в нем, вызывающий злое соперничество, отчаяние и нигилизм. Надежды устроить «земной рай» на непреобразенной природной основе с нынешней несовершенной, противоречивой природой человека утопичны. Федоров говорит о борьбе за онтологическую свободу человека, за его бытийственную независимость от сил разрушения и смерти, включающую бессмертие, вплоть до возвращения к преобразенной жизни всех прошедших поколений.

При этом Федоров понимает, что дать надежду человечеству совершить «невозможное» способна лишь вера в реальность путей воскрешения. Очевидно, что способ сделать это не может быть каким-то одним, ведь надо восстановить и преобразить такую сложнейшую и многоуровневую целостность, как человек. Мысль Федорова направляется в разные стороны. Он пишет о необходимости гигантской работы по собиранию рассеянных частиц праха умерших. Такой путь выходит к представлениям некоторых христианских мыслителей о том, что душа, как формообразующий принцип человека, отмечает каждую вещественную частичку его тела так, что и в посмертном рассеянии она сохраняет индивидуальную печать (в наше время на этом основана идея клонирования, создания целого организма из одной клетки, несущей в себе всю генетическую информацию о нем). Вместе с тем воскрешение у Федорова мыслится в родственно связанном роду, то есть буквально сын воскрешает отца как бы «из себя», отец – своего отца и т. д., вплоть до первоотца и первочеловека. Подразумевается возможность восстановления предка по той наследственной информации, которую он передал потомкам.

Николай Федоров писал о неких лучевых «оптических образах», возможно сохраняющихся после смерти. А современный российский ученый Г. Шипов и белорусский ученый А. Манеев полагают, что то, о чем с древности говорили как о душе, является носителем индивидуального сознания, обладающим биополевой неэнтропийной природой, сохраняющейся после смерти человека, могущей быть возвращенной в новую, более совершенную физическую форму. Однако только сам ход и результат «общего дела» обнаружит «куда идти, где искать, как решать», – считал Н. Федоров.

В наши дни, когда мы стремимся к естественному развитию, к нормальной экономике, правовому сознанию, к нормальной нравственности, философия «Общего дела» побуждает задуматься о соотношении человека и его высшего идеала – Бога.

Федоров попытался соединить земное и божественное, естественное и сверхъестественное, показать пути восхождения к высшей природе. Но это восхождение возможно только от нормального, естественного уровня и уклада, что нам надо еще обрести, а не от противоестественного, чего мы имели в досталь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – Москва, 1989.
2. Русский космизм. Антология философской мысли. – Москва, 1993.
3. Федоров, Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров. – Москва, 1982.